

СИНОДАЛЬНОЕ ВОЗЗВАНІЕ

Произошло это въ разгарѣ Севастопольской войны. Россія переживала въ ту пору самую тяжелую годину. Тревожное состояніе умовъ охватило всѣ слои общества!—и баръ и простолюдиновъ. Чувствовалось напряженное ожиданіе чего то смутнаго, непонятнаго, давившаго людей своей неизвѣстностью. Особенно было сильно беспокойство въ отдаленныхъ областяхъ имперіи, куда невеселія вѣсти изъ Крыма достигали преувеличенными въ переиначенномъ видѣ, возбуждая въ простомъ народѣ ненависть къ сплоченной Европѣ, защищавшей варварство магометанской Турціи, которая, какъ носились слухи, притѣсняла нашихъ братьевъ христіанъ и глумилась надъ святой церковью. Развѣ это не больно было переносить преданнымъ вѣрѣ своихъ отцовъ православнымъ простолюдинамъ?.. Разгоралось въ груди ретивое!.. —Такъ бы и бросились на врага, смяли, сокрушили его, ежели бы Царь-батюшка повелѣлъ намъ!—говорили между собою крестьяне.

29 января 1855 года послѣдовалъ извѣстный манифестъ императора Николая о государственномъ ополченіи. Одновременно Св. Синодъ издалъ „воззваніе“, призывавшее сыновъ Россіи постоять за царя и отечество. „Отцы и Матери!—говорилось въ немъ:—Вы ли умедлите послать вашихъ дѣтей по зову царскому? Отведите ихъ сами руками своими! Скажите имъ: дѣти, стойте вѣрою и правдою за общую мать нашу церковь Божию“!

По странной случайности воззваніе пришло въ селенія Саратовской губерніи вмѣстѣ съ манифестомъ, извѣщавшимъ о кончинѣ Николая Павловича и о вступленіи на престолъ новаго императора Александра Николаевича. По обыкновенію, объявленіе ихъ было возложено на приходскихъ священниковъ, не многимъ отличавшихся въ то время своимъ міровоззрѣніемъ отъ неграмотныхъ поселянъ, хотя и считав-

шлись въ селахъ первыми руководителями и вразумителями темнаго народа.

Когда пастыри духовные повѣдали о распоряженіи правптельства съ высоты амвона, заволновались до того спокойные поселяне. Значить Царю, вѣрѣ и родинѣ грозитъ большая опасность, если вступился за то Св. Синодъ.

— Что теперь дѣлать намъ?—обратились жители слободы Александровки (Дмитріевка тожъ) къ своему священнику о. Стефану Львову, послѣ объявленія имъ на вербное воскресенье, 20 марта, обоихъ манифестовъ.

— Али не слышали, что Царь-батюшка вызываетъ желающихъ изъ своихъ поданныхъ послужить Россіи вѣрой и правдой?..

— Охотниками, значить?!

— Ну, да, конечно, у кого есть охота!...

Тутъ же, не выходя изъ церкви, двое крестьянъ сосѣдней деревни Захаровки, Константинъ Горбушинъ, 22 лѣтъ, и Григорій Дувановъ, 26 л., просили батюшку записать ихъ. О. Степанъ исполнилъ ихъ желаніе и въ тотъ же день сообщилъ о томъ приставу 1-го стана Царицынскаго уѣзда.

Вѣсть эта быстро облетѣла окружныя поселенія. На другой день къ о. Львову повалили крестьяне со всѣхъ сторонъ. „Имѣя чувство привязанности къ вѣрѣ, церкви православной и любезному отечеству“, просили они его „записать ихъ охотниками на службу, по силѣ манифеста о государственномъ ополченіи“.

— Я на это не уполномоченъ—сказалъ имъ о. Стефанъ.—Да, ни какое присутственное мѣсто не приметъ васъ на службу, безъ воли вашей помѣщицы,—пояснилъ онъ прибывшимъ изъ дер. Захаровки крестьянамъ княгини Трубецкой*).

Но они, „не обращая на его слова вниманія, пошли со двора его съ разными угрозами“.

*) Изъ дѣла Царицынска—Камышин. уѣзд. суда за 1855 г. № 200.

— Ишь ты! Манифестъ объявилъ, а записывать не хочетъ!...

— Мы этого дѣла такъ не оставимъ!—бранились они.—Безпримѣнно надо разузнать.

Нѣсколько человѣкъ изъ Александровки и Захаровки нарочно ѣздили въ ближайшій посадъ Дубовку, чтобы удостовѣриться, подлинно ли существуетъ „положеніе о Государственномъ ополченіи“. Дознались, что тамъ шли о томъ толки.

Всѣ селенья Камышинскаго и Царицынскаго уѣздовъ пришли тогда въ „броженіе“. Стали поговаривать о „волѣ“.

3 апрѣля, болѣе 30 крестьянъ дер. Степанидовки обратились къ священнику села Соладчи Робустову, настойчиво требуя отъ него указа, въ которомъ „будто бы всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ дарована отъ крестьянства свобода“. Не смотря на ихъ дерзкія угрозы, священникъ отказалъ имъ въ ихъ домогательствахъ, такъ какъ не зналъ ничего подобнаго.

— Ну, такъ мы сами добьемся его!—кричали они и, не заходя въ свою деревню, „съ буйствомъ“ направились прямо въ г. Камышинъ, похваляясь при этомъ: „если тамъ намъ указа не дадутъ, мы пойдемъ въ Саратовъ къ начальнику губерніи, а буде и его право намъ откажетъ, дойдемъ до Петербурга“.

Оставшіеся въ деревнѣ мужчины и женщины прекратили господскія работы.

На другой день „взбаламутились“ поселяне дер. Дмитревки. Ихъ взбудоражилъ крестьянинъ Игнатій Романцевъ, пріѣхавшій верхомъ ночью на уроч. Зиневатку, гдѣ они засѣвали господскій хлѣбъ.

— Бросайте все! Идемъ домой!—выкрикивалъ онъ, ѣздя по нивамъ—полученъ приказъ собраться въ ополченіе.

Всѣ сейчасъ же ушли въ деревню, оставивъ въ полѣ безъ всякаго надзора барскихъ воловъ.

Уговорившись съ поселянами Александровки, и они отправили въ Камышинскъ уполномоченныхъ. Дня два спустя, выѣхали туда ходоки

изъ Зинзеванки, Трудовки и другихъ деревень. Собралось ихъ тамъ 128 человекъ. Однако ничего сдѣлать имъ не удалось. Озабоченные прекращеніемъ работъ помѣщики и управляющіе имѣніями успѣли сообщить о ихъ замыслахъ Камышинскому земскому исправнику Корбутовскому. По распоряженію Городничаго, всѣ бѣглецы были задержаны и „возвращены въ свои мѣста“ подѣ конвоемъ казаковъ.

Крестьяне смирились, прекратились вздорные разговоры. Но мѣсяць спустя, открылись такія же волненія въ отдаленныхъ уѣздахъ Петровскомъ и Сердобскомъ, благодаря будто бы наговорамъ, проникнувшимъ изъ Саратова. Губернскія власти струхнули. Были приняты мѣры, какъ со стороны свѣтскаго, такъ и со стороны духовнаго начальства, для вразумленія заблудшихъ и къ разъясненію имъ точнаго смысла манифеста и цѣли выпущеннаго Синодомъ обращенія. Началось слѣдствіе, порученное губернаторскому чиновнику Долинскому. Всю вину въ прошедшемъ свалили крестьяне на своихъ духовныхъ пастырей, хотя многіе изъ послѣднихъ совсѣмъ не вѣдали, что творили они.

Между прочимъ былъ оговоренъ ими въ подстрекательствѣ къ самовольной отлучкѣ изъ имѣнія помѣщика, для поступленія въ ополченіе, жившій въ с. Кондоль, Петров. у., „запрещенный“ священникъ Іоаннъ Чернышевскій *), не принимавшій никакого участія въ ихъ сумасбродныхъ дѣйствіяхъ. Также избавился отъ судебного преслѣдованія с. Вырынаевки о. Андрей Вырынаевскій потому только, что противъ него жесвидѣтельствовало шесть крестьянъ изъ числа всѣхъ жителей села. Но въ поступкахъ свящ. с. Урмейки о. Матвѣя Ижевскаго было усмотрена „невнимательность къ своимъ обязанностямъ“, ибо вмѣсто того, чтобы употребить „всѣ мѣры къ вразумленію“ крестьянъ, „сообразно обстоятельствамъ времени и распоряженіямъ начальства“, онъ предлагалъ желавшимъ идти въ ополченіе и спросить „позволенія своихъ господъ“. Поэтому духовная консисторія (на основ. 412 ст. улож. о наказ.) сдѣлала ему выговоръ внеся его въ послужной списокъ, „съ удержаніемъ въ пользу казны половиннаго за время его подсудности жалованья“.

Суду гражданскому были преданы свящ. Львовъ и пономарь Дмитріевской церкви Козьма Ховринъ. Заподозрѣнный, по оговору

*) Если не ошибаемся, дѣдъ извѣстнаго писателя Ник. Гавр. Чернышевскаго, отецъ котораго Гавріилъ Иван. былъ въ 50-хъ гг. соборнымъ протоіереемъ въ Саратовѣ. П. Ю.

крестьянъ помѣщика Мельникова, въ превратномъ толкованіи имъ указа объ ополченіи „съ вредными для спокойствія ихъ внушеніями“, послѣдній былъ заключенъ въ Царицынскую тюрьму до разбора дѣла. Однако Государь Императоръ 22 мая 1857 г. повелѣлъ изъ тюрьмы его освободить и дѣло о немъ прекратить. Черезъ годъ приговоромъ 28 мая, саратовская палата уголовного суда не нашла въ ихъ поступкахъ этихъ обвиняемыхъ ничего предосудительнаго и „за недоказанностью обвиненія“ признала ихъ „по суду свободными“. Тѣмъ не менѣе, преосвященный Аѳанасій хотѣлъ перевести, обремененнаго семьей съ женой и четырьмя малолѣтними дѣтьми, о. Львова (39 лѣтъ), изъ богатой Александровки въ бѣдный приходъ. Только заступничество губернатора и помѣщика Святослава Скибневскаго избавило неповиннаго пастыря отъ такого тяжкаго наказанія.

Богѣ всѣхъ пострадалъ с. Богородицкаго (Калемасъ) Сердобск. у., о. Андрей Полянскій 77 лѣтній старикъ. Полный самъ искренняго патриотизма, онъ убѣждалъ 4 и 5 мая въ церкви прихожанъ, не отказываться отъ царскаго призыва и итти на военную службу, когда начальство потребуеть. „Надо ополчиться противъ враговъ нашихъ“,— говорилъ онъ, увѣряя ихъ, что никто не можетъ удержать васъ отъ этого желанія, даже сами помѣщики.

— Идите прямо къ архіерею! Онъ передастъ васъ въ пріемную, гдѣ рекрутъ брѣютъ, или пошлетъ туда, куда слѣдуетъ.

— Помните! въ экстазѣ громилъ о. Андрей;—кто отведетъ самъ сына своего въ службу государеву, получить царство небесное, а кто воспротивится тому,—провалится въ тартарары (т. е. въ преисподнюю).

За это Сердобскій уѣздный судъ приговорилъ его (13 августа 1856 г.) къ заключенію въ тюрьму на 3 мѣсяца, но сложилъ наказаніе за силою манифеста 26 августа 1856 года.

Такимъ образомъ сказанное Синодомъ въ защиту родины доброе слово было признано зломъ въ устахъ тѣхъ людей, которые обязаны были стоять за честь Россіи и святость православной вѣры!..

П. Юдинъ.

